



Любимый детектив  
Английской королевы

Перри – царствующая королева викторианского детектива.

*People*

Дайте Перри какое-нибудь заковыристое убийство вкупе с постыдным социальным казусом – и она напишет такой викторианский детектив, которому позавидовал бы сам Диккенс.

*The New York Times*

Мало кто из создателей детективов в духе Артура Конан Дойла может так красочно воспроизвести атмосферу викторианского Лондона, так точно прорисовать его детали и воссоздать настроение той эпохи, как Перри.

*San Francisco Chronicle*

Если вы купили очередную историю от Эшл Перри, вы можете смело рассчитывать на то, что она будет превосходна.

*The San Diego Union Tribune*

*Серия о Шарлотте и Томасе Питт*

Призрак с Кейтер-стрит  
Находка на Калландер-сквер  
Туман над Парагон-уок  
Воскрешение на Ресуррекшн-роу  
Вор с Рутленд-плейс  
Утопленник из Блюгейт-филдс  
Смерть в Поместье Дьявола  
Натюрморт из Кардингтон-кресент  
Тишина в Хановер-клоуз  
Казнь на Вестминстерском мосту  
Пожар на Хайгейт-райз  
Скандал на Белгрейв-сквер  
Невидимка с Фэрриерс-лейн  
Палач из Гайд-парка  
Врата изменников  
Душитель из Пентекост-элли  
Бомба в Эшворд-холле  
Реквием в Брансвик-гарденс  
Покойник с площади Бедфорда

*Серия об инспекторе Монке*

Чужое лицо  
Опасная скорбь  
Предательство по любви  
Смерть внезапна и страшна  
Грехи волка  
*Брат мой Каин*

Энн  
Терри

*Брат мой Каин*



Москва  
2016

УДК 821.111-312.4  
ББК 84(4Вел)-44  
П27

Anne Perry  
CAIN HIS BROTHER

Copyright © 1995 by Anne Perry

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

**Перри, Энн.**

П27      Брат мой Каин / Энн Перри ; [пер. с англ. А. И. Кириченко]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 544 с. — (Любимый детектив английской королевы).

ISBN 978-5-699-87374-6

К частному сыщику Уильяму Монку обратилась жена успешного коммерсанта Энгуса Стоунфилда, который в одно прекрасное утро ушел в свою контору — и не вернулся домой. Монк сразу же счел этот случай неинтересным — наверняка у пропавшего просто появилась другая женщина или он сбежал из-за финансовых проблем. Но миссис Стоунфилд заявила, что, без сомнений, в исчезновении Энгуса повинен его брат-близнец Кейлеб, ведущий совершенно безумную жизнь в лондонских трущобах. По ее словам, он всегда ненавидел так много добившегося в жизни Энгуса и часто ссорился с ним — и вот теперь, похоже, их очередная ссора завершилась братоубийством. Детектив начал поиски Кейлеба, не подозревая, какую удивительную — и поистине страшную — историю ему доведется узнать...

**УДК 821.111-312.4**  
**ББК 84(4Вел)-44**

**ISBN 978-5-699-87374-6**

© Кириченко А. И., перевод  
на русский язык, 2015  
© Издание на русском языке,  
оформление.  
ООО «Издательство «Э», 2016

## Глава 1

— Мистер Монк? — проговорила она, тяжело вздохнув. — Мистер Уильям Монк?

Повернувшись в кресле, мужчина поднялся из-за стола. Наверное, квартирная хозяйка пропустила эту даму через переднюю.

— Да, мэ? — произнес он с вопросительной интонацией.

Посетительница приблизилась еще на шаг, не обращая внимания на то, что ее широкие кринолины зацепились при этом за стол. Покрой ее костюма показался сыщику весьма добротным и довольно модным, хотя и не слишком броским, однако она, судя по всему, одевалась второпях, не слишком обращая внимание на мелочи. Лиф платья не совсем сочетался по тону с юбкой, а ленты капора она завязала скорее узлом, чем бантом. Выражение лица этой женщины с правильным носом и волевым ртом свидетельствовало о том, что она сильно нервничает.

Однако Монк успел привыкнуть к подобным вещам. Те, кому приходилось прибегать к услугам частного детектива, почти всегда делали это в силу слишком серьезных или затруднительных обстоятельств, не позволявших им действовать другими, более приемлемыми для них способами.

— Меня зовут Женевьева Стоунфилд, — проговорила женщина с легкой дрожью в голосе. — Миссис Энгус

Стоунфилд, — тут же поправились она. — Мне необходимо посоветоваться с вами насчет моего мужа.

В таком возрасте — а ей, по мнению Уильяма, было где-то от тридцати до тридцати пяти лет — ее должны были, скорее всего, волновать проблемы с недобросовестной прислугой или какая-нибудь мелкая кража, а может быть, сложности с возвращением долга. Женщина постарше могла разыскивать сбежавшего из дому ребенка или беспокоиться о неподходящей паре для своего отпрыска. Однако Женестьева Стоунфилд выглядела весьма привлекательно, и не только благодаря цвету лица, которое, казалось, излучало какое-то внутреннее тепло, и благородным манерам, но и открытому и доброму выражению глаз, сразу заставлявшему обратить на себя внимание. Монк понимал, что большинство мужчин найдут ее довольно интересной. Именно такой, кстати, клиентка показалась с первого взгляда и ему самому. Но он поспешно отменил это впечатление, сразу вспомнив, как дорого обошлись ему предыдущие ошибочные суждения.

— Да, миссис Стоунфилд, — ответил Уильям, выходя из-за стола и направляясь на середину комнаты, интерьер которой, по его замыслу — а если точнее, то благодаря настойчивым убеждениям Эстер Лэттерли, — помогал посетителям почувствовать себя раскованно. — Пожалуйста, садитесь. — Детектив указал на одно из больших кресел со стеганой обивкой, расставленных по краю красного с голубым турецкого ковра прямо напротив кресла, с которого он только что поднялся. Январь выдался суровым, и в камине весело трещал огонь, не только согревавший комнату, но и придававший ей еще более уютный вид. — Скажите, что вас беспокоит и чем я, по вашему мнению, могу вам помочь.

Стоило посетительнице присесть, как Монк устроился на стуле напротив, подождав лишь столько, сколько того требовали правила приличий.

Миссис Стоунфилд не стала даже поправлять юбки, свободно ниспадавшие на пол, так что из-под приподнявшегося наискось подола выглянула изящная лодыжка в высоком ботинке.

После того как она заставила себя сделать решительный шаг, ей больше не требовалось дополнительных приглашений. Слегка наклонившись вперед и устремив на сыщика тяжелый взгляд, Женевьева без лишних предисловий начала излагать суть дела:

— Мистер Монк, чтобы вы поняли причину моего беспокойства, мне необходимо рассказать вам кое-что о моем муже и его занятиях. Простите, что я злоупотребляю вашим временем, однако если вы этого не узнаете, мои слова покажутся вам лишены смысла.

Уильям с усилием заставил себя сделать вид, что он внимательно слушает посетительницу. Подобные рассказы вызывали у него ощущение нудной скуки и казались абсолютно бесполезными, но он тем не менее на основе собственных ошибок давно пришел к выводу, что клиенту не следует мешать высказаться, пока он, наконец, не раскроет, чем вызван его визит. Ко всему прочему это позволяет людям сохранять определенное уважение к себе при обстоятельствах, когда им приходится обращаться за помощью в деле, носящем чисто личный характер, и к тому же доверяться человеку, который, по мнению большинства из них, занимает гораздо более низкое положение в обществе по сравнению с ними — хотя бы из-за того, что источником его существования является работа. Причины, побуждавшие клиентов прийти к сыщику, чаще всего оказывались весьма болезненного свойства, и они наверняка предпочли бы сохранять их в тайне.

Во времена службы Уильяма в полиции подобная деликатность не имела особого значения, но теперь, не обладая прежними полномочиями, он мог рассчиты-

вать лишь на вознаграждение, размер которого зависел от того, сколь успешными окажутся его действия в глазах клиента.

Миссис Стоунфилд заговорила тихим голосом:

— Мы с мужем поженились четырнадцать лет назад, мистер Монк, через год после того, как я с ним познакомилась. Он всегда казался мне самым нежным и деликатным из всех мужчин, человеком, которого нелегко заставить изменить принципам. Никто ни разу не посмел усомниться в его порядочности — как в чисто человеческих отношениях, так и в делах. Он никогда не стремился к выгоде за счет других и не пытался нажиться на чужих несчастьях... — Женщина внезапно замолчала, догадавшись, возможно, по выражению лица детектива, что она слишком много говорит. Его лицо всегда выдавало эмоции, которые он испытывал в тот или иной момент, особенно нетерпение, гнев или презрение. И это иногда оказывало ему плохую услугу.

— Вы подозреваете, что он в чем-то изменил этим прекрасным принципам, миссис Стоунфилд? — спросил Уильям, постаравшись, чтобы его голос звучал как можно более озабоченно. Ему уже стало казаться, что миловидное лицо посетительницы скрывает весьма заурядные умственные способности.

— Нет, мистер Монк, — ответила она немного более резким тоном, однако взгляд женщины выдавал охвативший ее страх. — Я боюсь, что его уже нет в живых. И хочу, чтобы вы это выяснили и сообщили мне. — Несмотря на столь горестные слова, она по-прежнему не поднимала глаз. — Вы ничем не сможете помочь Энгусу, — проговорила она потом все тем же тихим голосом, — но поскольку он пропал и о нем нет никаких известий, он просто бросил нас, если смотреть на это с точки зрения закона. У меня пятеро детей, мистер Монк, а без Энгуса его дело быстро придет в упадок, и нам будет не на что жить.



Теперь случай сразу показался сыщику серьезным и не терпящим отлагательств. Он больше не считал посетительницу чрезмерно болтливой женщиной, переживающей из-за какого-то выдуманного ею самой преступления. Испуг, застывший у нее в глазах, был вызван, похоже, вполне оправданными причинами.

— Вы заявили в полицию о его исчезновении? — спросил Монк.

Женевьева заглянула ему в глаза.

— О да, я разговаривала с сержантом Ивэном. Он был очень добр со мной, но не смог ничем помочь, потому что у меня нет доказательств, что Энгус ушел не по своей воле. Кстати, к вам меня направил как раз сержант Ивэн.

— Понятно. — Джон Ивэн сохранил дружескую верность Монку, когда тому пришлось нелегко, и он бы не отказал этой женщине, если бы действительно мог ей помочь. — Когда вы в последний раз видели вашего мужа или получали о нем какие-либо известия, миссис Стоунфилд? — спросил Уильям серьезным тоном.

На лице посетительницы промелькнула тень легкой улыбки. Возможно, она прореагировала так на изменившееся выражение лица собеседника.

— Три дня назад, мистер Монк, — тихо ответила женщина. — Я понимаю, это не слишком давно, и ему пришлось уезжать и раньше — иногда он не бывал дома по целой неделе. Но сейчас дело обстоит по-другому. Раньше он всегда говорил мне, куда едет, никогда не забывал позаботиться о нас и обязательно передавал указания для мистера Арбатнота — так зовут его делового партнера. До сих пор не было ни одного случая, чтобы муж не явился на назначенную встречу или не оставил доверенности и указаний, как мистеру Арбатноту поступать во время его отсутствия. — Она подалась вперед, похоже не замечая, как соблазнительно приподнялся подол ее юбки. — Он не собирался уезжать, мистер Монк, и он никого не предупредил!

Уильям испытывал немалое сочувствие к этой женщине, однако ради того, чтобы помочь ей наилучшим образом, ему следовало получить как можно больше сведений, которые она могла сообщить.

— В какое время вы видели его в последний раз? — поинтересовался он.

— За завтраком, где-то около восьми утра, — ответила Женевьева. — Восемнадцатого января.

А было уже двадцать первое...

— Он не говорил, куда собирается уходить, миссис Стоунфилд? — продолжил расспросы сыщик.

Женщина тяжело вздохнула, и он заметил, как она еще крепче сжала лежавшие на коленях руки в чистых белых перчатках.

— Да, мистер Монк. Из дома он отправился к себе в контору. Там он сказал мистеру Арбатноту, что собирается навестить брата.

— Он часто бывал у брата? — спросил детектив; впрочем, этот факт показался ему заурядным.

— Он имел привычку навещать его время от времени, — ответила Женевьева и устремила на собеседника пристальный взгляд, посмотрев на него с таким видом, как будто это было для нее настолько важным, что она просто не представляла, как у Монка могло сложиться какое-либо иное впечатление. — С тех пор, как я его знаю, — добавила она более тихим и немного хриплым голосом. — Понимаете, они с братом — близнецы.

— В том, что братья встречаются друг с другом, нет ничего необычного, миссис Стоунфилд. — Уильям сделал это замечание лишь потому, что не понял, почему лицо женщины неожиданно побледнело, а сама она как-то странно напряглась, сидя в неудобной позе на краю стула. — Вы, конечно, связались с братом вашего супруга, миссис Стоунфилд, и выяснили, навещил ли он его в тот день и когда и при каких обстоятельствах они

расстались? — Этот вопрос он задал только для очистки совести, заранее зная ответ.

— Нет... — Женщина произнесла это слово совсем тихо, едва ли не шепотом.

— Что?

— Нет, — повторила посетительница с отчаянием в голосе, в упор посмотрев на сыщика широко раскрытыми серо-голубыми глазами. — Кейлеб, брат Энгуса, — полная его противоположность. Это грубый, жестокий, опасный тип, настоящий изгой даже среди подонков, живущих рядом с ним у реки в трущобах Лаймхауса. — Дыхание ее сделалось прерывистым. — Я не раз уговаривала Энгуса прекратить с ним встречаться, но он считал себя не вправе отказаться от брата, несмотря на все то, чем тот занимается. — По лицу дамы пробежала тень. — Наверное, всех близнецов связывает какое-то особое чувство... — Она слегка покачала головой, как будто пытаясь избавиться от преследовавшей ее боли. — Скажите, мистер Монк, вы узнаете, что случилось с моим мужем? Я... — Она прикусила губу, однако взгляд ее сохранял прежнюю решимость. — Сначала назовите мне ваши условия. Мои возможности далеко не безграничны.

— Я займусь расследованием, миссис Стоунфилд, — ответил Уильям, прежде чем успел соотнести вероятные расходы с собственным финансовым положением. — А потом, когда я сообщу вам о результатах, мы сможем соответствующим образом договориться. Для начала мне нужно получить от вас некоторые сведения.

— Конечно. Я понимаю. Извините, что я не принесла вам его портрет. Он никогда не позировал художникам. — Женевьева улыбнулась неожиданно нежной и одновременно исполненной горького отчаяния улыбкой. — По-моему, это занятие казалось ему напрасной тратой времени. — Глубоко вздохнув, она заставила себя успокоиться. — Он был высок... наверное, одного роста с вами. — Миссис Стоунфилд изо всех сил старалась

сосредоточиться, как будто проникнувшись горестным осознанием того, что ей уже, возможно, не придется увидеть мужа снова и черты его внешности скоро изгладятся из ее памяти. — У него были темные волосы, цвет лица у него почти такой же, как у вас, только глаза не серые, а с очень красивым зеленоватым оттенком. Правильные черты лица, прямой нос и полные губы. С людьми мой муж обходился вежливо, держался без заносчивости, однако он не принадлежал к числу тех, с кем можно позволять себе вольности.

Монк заметил, что эта дама уже говорила о супруге в прошедшем времени. Комната, казалось, наполнилась преследовавшими ее страхом и тоской. Он обдумывал, стоит ли ему расспрашивать миссис Стоунфилд о делах супруга и о том, мог ли он завести себе другую женщину, однако вероятность услышать от нее достаточно точный ответ, который окажется полезным, вызывала у сыщика сомнение. Этим он только огорчит ее без надобности. Ему, судя по всему, следует искать конкретные доказательства, основываясь на собственных выводах.

Стоило Уильяму подняться на ноги, как Женевьева тут же встала следом. На лице у нее застыло выражение напряженной тревоги, и она высоко вздернула подбородок, словно приготовилась спорить с Монком, умолять его, если потребуется.

— Я займусь расследованием, миссис Стоунфилд, — пообещал частный детектив.

Она тут же успокоилась и даже попыталась улыбнуться, насколько это было возможно при ее теперешнем настроении.

— Благодарю вас...

— Вы не могли бы оставить мне ваш адрес? — попросил сыщик.

Женевьева немного покопалась в ридикюле, а потом протянула Монку затянутую в перчатку руку с двумя небольшими карточками.

— К сожалению, я не позаботилась о доверенности... — Лицо ее сделалось смущенным. — У вас найдется бумага?

Уильям подошел к столу, отпер его и достал чистый лист белой бумаги, перо, чернила и промокашку, после чего отодвинул стул, словно приглашая посетительницу вновь присесть. Пока миссис Стоунфилд писала, сыщик пробежал глазами обе карточки. Ее дом находился на северной оконечности Оксфорд-стрит, неподалеку от Марбл-Арч — респектабельного района, где издавна жили состоятельные люди среднего класса. Контора мистера Стоунфилда располагалась на южном берегу Темзы, на Ватерлоо-роуд, рядом с районом Лэмбет.

Написав доверенность, Женестьева поставила подпись, аккуратно промокнула чернила и протянула бумагу Монку, с тревогой глядя ему в лицо, пока тот ее читал.

— Прекрасно, благодарю вас. — Сыщик сложил доверенность и спрятал ее в конверт, чтобы она не испачкалась, когда ему придется носить ее в кармане.

Дама снова поднялась.

— Когда вы собираетесь начать? — спросила она.

— Немедленно, — ответил сыщик. — Время не терпит. Возможно, мистеру Стоунфилду угрожает опасность или он оказался в тяжелом положении и его еще можно спасти.

— Вы так считаете? — В глазах женщины промелькнул проблеск надежды, но потом действительность вновь заявила о себе новой болью. Она отвернулась, стараясь скрыть от собеседника собственные чувства, так чтобы им обоим не пришлось испытывать неловкость. — Спасибо, мистер Монк. Я понимаю, вы хотите меня успокоить. — Затем Женестьева направилась к двери, и детектив едва успел распахнуть ее перед ней. — Я буду ждать известий от вас.

Спустившись по лестнице, она вышла на улицу и зашагала в сторону ее северной оконечности, больше не оборачиваясь назад.

Закрыв дверь, Уильям вернулся в комнату. Подбросив в камин угля, он устроился в кресле и принялся обдумывать стоящую перед ним задачу и сведения, которыми он располагал.

Мужчины довольно часто уходят от жен с детьми. Монк мог представить бесконечное множество вариантов, даже не взяв в расчет то, что с мистером Стоунфилдом действительно случилось несчастье, не говоря уже о столь нелепом и трагическом предположении, как гибель от руки родного брата. Миссис Стоунфилд, кстати, явно хотелось верить в последнее. Про себя сыщик заметил, что такую развязку она восприняла бы наименее болезненно. Не отвергая до конца подобный вариант, Уильям тем не менее относил его к числу наименее возможных. По его мнению, мистер Стоунфилд просто счел семейные обязанности слишком обременительными и либо сбежал из дома, либо полюбил другую женщину, с которой решил связать дальнейшую жизнь. Следующей по степени вероятности Монк предположил возможность разорения — либо уже случившегося, либо ожидавшего Энгуса в ближайшем будущем. Пропавший мог увлекаться азартными играми, и, скажем, очередной проигрыш оказался для него слишком велик. Он также мог одолжить деньги у ростовщика и теперь оказался не в состоянии выплачивать увеличивающиеся с каждым днем проценты... Уильяму не раз приходилось иметь дело с жертвами подобной практики, и он ненавидел ростовщиков холодной и неослабевающей злобой.

Также у Стоунфилда мог появиться враг, которого ему следовало опасаться в силу каких-либо серьезных причин. Он мог сделаться жертвой шантажа в результате собственной оплошности или даже преступления. Возможно, ему приходится скрываться от наказания, уг-

рожающего ему из-за незаконного присвоения чужого имущества, о котором пока ничего не известно, или из-за какого-либо другого преступления, а может быть, рокового стечения обстоятельств, заставивших его совершить насильственные действия, до сих пор остающиеся тайной.

Наконец, с Энгусом мог произойти несчастный случай, и он теперь лежит где-нибудь в больнице или в работном доме, будучи не в состоянии сообщить о себе близким.

Это представлялось Монку вполне вероятным, поскольку он сам получил однажды удар по голове, после которого у него начисто пропала память. От воспоминания о том, как два года назад он очнулся в работном доме, не имея ни малейшего представления, кто он такой и где находится, сыщика бросило в жаркий пот, тут же сменившийся ледяным ознобом. Его прошлое казалось ему тогда абсолютно неведомым; он даже не узнавал собственного лица, глядя в зеркало.

Мало-помалу ему удалось сложить воедино обрывки воспоминаний о сценах собственной юности и эпизодах путешествия из Нортумберленда на юг, в Лондон, которое он совершил приблизительно в возрасте девятнадцати или двадцати лет — примерно в то время, когда на престол взошла королева Виктория, хотя Монк и не помнил этого с абсолютной точностью. Коронацию он представлял только по картинам и чужим рассказам.

Даже этот вывод сыщик сделал лишь на основе собственных предположений, рассчитав, что теперь, в январе 1859 года, ему было немногим более сорока лет.

Конечно, нелепо предполагать, что Энгус Стоунфилд очутился в подобном положении. Такое случается чрезвычайно редко. Однако убивают людей, к счастью, тоже не так уж часто. Так что речь, скорее всего, идет о каких-либо печальных, но тем не менее обычных семейных обстоятельствах или разорении.